

Как возродить редактора в России?

Окончание. Начало в №12 (85)

Николай Алешков, поэт, главный редактор журнала «Аргмак-Татарстан»:

— Разговор о редакции назрел и даже перезрел. И хотя графомания на меня как редактору от неё зачастую никуда не деться, т.к. поток материалов в журнал велик.

Порой очень трудно оставаться вежливым, общаясь с графоманами. Главная беда в том, что профессиональные понятия о редакции и корректуре на всём постсоветском пространстве практически сведены на нет. Издательское дело из государственного превратилось в частное. А частник экономит именно на редакторской работе! Отсюда — безграмотные книги и дурновкусие. Отсюда — перекосяк от художественных ценностей к тому, что ниже пояса и склонно к «такой твоей матери...».

Выход мне представляется только один. Необходимо вернуть к жизни государственные издательства, которые могли бы отвечать за то, что мы называем литературой. А частники пусть продолжают думать о прибыли, до литературы им, за редчайшим исключением, нет никакого дела. Быть может, при достойной конкуренции и они вынуждены будут задуматься и о качестве текста? Кто знает...

Диана Кан, поэтесса:

— Исходя из своего опыта работы с авторами и их текстами самого разного уровня, я вывела правило говорить с каждым на ему понятном языке. Ибо то, что поймёт с полуслова-полувзгляда опытный автор, начинающему надо порой объяснять почти на пальцах.

Помнится, пришлось мне редактировать рукопись поэтессы, которую я бы назвала «идеальной дачницей». Она писала стихи всю жизнь в стол и вот как-то, видимо, созрела до мысли, что без творческого общения далее ей нельзя. Долго я не могла отучить эту поэтессу (весьма, кстати, лирическую) от столь частого у авторов многословия, когда хочется сразу весь свой «талант» и весь свой «ум» вложить в одно стихотворение, словно оно не только первое, но и последнее в его жизни. И так, и сяк билась с ней, она, надо отдать ей должное, была очень благодарна и не прекословила. Стихи прямо на глазах становились лучше. Но! Поэтесса приносила новые, а они так же были многословны. Это меня удручало. И мы опять начинали биться, чтобы текст приобрёл необходимую стихам прозаичность. Пока, наконец, меня не осенило.

Говорю ей: «Вот вы дачница! Что вы делаете с теми растениями, которые не по формату обжились на грядке и мешают тем, что вы намерены вырастить?». Она пристально посмотрела на меня: «Выкорчёвываю и выпалываю, а как же?». Я говорю: «Вот и с лишними словами надо аналогично поступать, чтобы они не мешали в данном конкретном стихотворном тексте произрастать нужным словам».

Все авторы делятся на тех, кто хочет воспитывать детища-стихи, и тех, кто изначально считает их идеальными. Со вторыми лучше не терять время, как говорится, нельзя облагодетельствовать того, кто не хочет и не готов. Но есть и другие, понимающие, что постижение любого профмастерства — дело непростое. Если хочешь танцевать настоящий балет, а не проваляться дешёвым билли-дансом, надо быть готовым к кровавым мозолям, растянутым лодыжкам, неизбежным падениям. Вот тут и нужен редактор, который поможет минимизировать все эти «издержки» для автора, но тем не менее побудит его постичь тайны мастерства — просто сделать этой меньшей кровью.

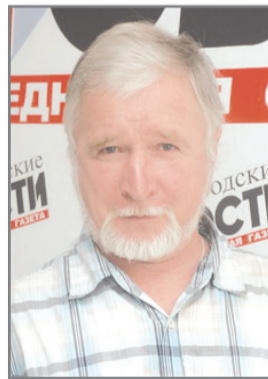
Борис Селезнёв, поэт, прозаик, главный редактор литературного журнала «Арина» (Нижний Новгород):

— Однажды Валентин Николаев, много лет бессменно руководивший секцией прозы «Воложка» Нижегородской писательской организации, рассказал мне любопытный и поучительный эпизод из своей жизни. Случилось всё это в Москве, в редакции одного «толстого» журнала. Естественно, ещё в старые добрые «застойные» времена. Там у него готовилась к публикации повесть, и он приехал в редакцию, чтобы в последний раз согласовать редакторскую правку.

По завершении этой удачной встречи он вышел в коридор, достал выделенную пачку «Примы»... — тут открылась дверь и выбежал редактор с толстой рукописью в руках. Николаев сразу заметил: в рукописи, что называется, жидкого места нет. Вся исчеркана чьей-то безжалостной рукой. При энергичном закрытии двери две-три страницы выпали и спланировали к ногам Валентина Арсеньевича. Он тут же наклонился, подобрал их и, протягивая владельцу испещрённые правой ладонью, сочувственно спросил: «Что, совсем плохо дело?» На что получил совсем неожиданный ответ: «Отличная вещь!» И силуэт редактора обозначился уже в конце коридора.

Николаев был до такой степени заинтригован этим обстоятельством, что не ушёл из редакции, пока не узнал, чья это была рукопись и как называлась та, по словам редактора, отличная вещь. Это оказалась знаменитая «Царь-рыба» Виктора Астафьева! То был второй нокаут, но после этого случая Николаев стал ещё строже относиться как к своим, так и к ученическим текстам.

На мой взгляд, этот эпизод из редакционной жизни — весьма поучительная иллюстрация кипящей литературной деятельности того времени. Иллюстра-

ция же сегодняшней «литературной деятельности» — чудовищный поток графомании, сквозь который редкими искрами пробиваются молодые одарённые авторы. Да что и говорить, если большинство издательств работают сейчас совсем без корректоров. Куда уж нам до «голосовой» (двойной) корректуры советского времени! Следствие — совершенно бедственное состояние как всего литпроцесса, так и института редакции в частности.

Причин тому множество, но одна из главнейших, на мой взгляд, затаилась в падении нравственности и культуры. Нельзя заведомо безобразное изображать красиво. Вспоминаю давние слова одной моей читательницы: «В ваших стихах мне даже проститутки нравятся». Тогда я был польщён. А сейчас задумываюсь...

Светлана Замлелова, прозаик, публицист, главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон», шеф-редактор литературно-исторического журнала «Великоросс»:

— Главная беда современной русской литературы — раскол, разделение на медийную, или доступную читателю, и резервационную.

Беда в том, что лучшими писателями называют сегодня людей чуждых литературе. Достаточно зайти в любой книжный магазин, чтобы увидеть и понять, кого знает сегодня читающая Россия. И связать это не с отсутствием единого литпространства. Стоит признать, что наше время обладает своими особенностями, и литература здесь не исключение.

Для книгоиздателя писателей заменили проекты, а стало быть, литературу — лже-литература. Сегодня модный, медийный автор — это симулякр, имитация самого себя. Это тиражи, премии и некая роль: утончённый интеллект, брутальный пацан, воцерковлённый христианин и пр. И читателю предлагают не произведение, а образ.

Да и стоит, наконец, признать, что современное российское государство не нуждается в писателях так, как нуждалось советское. А если бы эта нужда и возникла, то никак не ради защиты интересов трудящихся. И если представить, что наше сегодняшнее государство возьмёт на содержание неких писателей, то нетрудно и вообразить, что оно потребует взамен. Поэтому в том, что государство дистанцировалось от литературы, определённо есть и положительный момент. По крайней мере, от редакторов независимых изданий никто не потребует публиковать так называемых «известных писателей», отличающихся, как правило, косноязычием и невежеством.

Конечно, задача любого редактора — работа с авторским текстом. Сверхзадача — выявление талантливого и яркого среди огромного количества написанного. Но с учётом исторического контекста у редактора появилась и мегазадача: отсекающая медийную или премиальную литературу, разъясняя, по возможности, читателю, почему не нужно особенно доверять книгам, получающим премии.

Нина Ягодинцева, секретарь Союза писателей России, руководитель Литературной мастерской «Взлётная полоса» и Литературных курсов ЧГИК, редактор:

— Рыночная свобода книгоиздания свела институт редакции на нет. Качество книг, особенно издаваемых в регионах, буквально рухнуло. Работая в проекте Южно-Уральской литературной премии, мы ежегодно получаем на конкурс более 200 изданий, и с горечью отмечаем: качество падает год от года. «Оптимизация» расходов первым вычеркивает из издательского коллектива, который должен работать над книгой, корректора, вторым — редактора, третьим — художника-дизайнера. О такой роскоши, как научные консультанты (например, для книг на историческую тему), даже речи нет. Вот только типография никак не поддаётся оптимизации и чёрным по белому печатает все грамматические ошибки и стилистические огрехи... А мы ещё говорим об утрате интереса к чтению.

Ушло понимание книги как объекта коллективного творчества и коллективной ответственности — и «книжные» профессии тоже приходят в упадок. Обострилась до предела проблема грамотности: молодые редакторы, выпускники филологических факультетов, зачастую не в состоянии отличить дефис от тире, не дружат с грамматикой и понятия не имеют об авторских знаках, особенно в поэзии. То есть если и включаются в работу, то добавляют к авторскому хаосу немалую толику недоразумений. Найти хорошего редактора — большая удача, почти счастье.

Готова к печати учебник «Организация литературной работы», я сформулировала несколько принципиальных моментов, стараясь увидеть ситуацию и с той, и с другой стороны. Ведь редактор — это посредник между автором и читателем, одновременно читатель и со-автор. Его задача — помочь автору вывести текст из личной сферы в сферу культурного диалога.

Редактор должен, с одной стороны, максимально сохранить и акцентировать авторскую индивидуальность, с другой — помочь автору соблюсти нормы и правила культурного диалога. Очень часто авторы обращаются к редактору «по горячим следам», восхищённые только что написанным. Восторг состояния в этом случае ещё не отделён от результата (произведения), любые замечания воспринимаются очень тяжело, и недоразумения неизбежны. Прежде, чем обратиться к редактору, каждому автору крайне желательно овладеть навыками саморедактирования, устранить те ошибки и недоразумения, с которыми он может справиться сам. Но для этого необходимо уметь чётко разделять два различных этапа — творчества и редактирования.

Сейчас крайне необходимо вернуть в культурный обиход саму профессию редактора и коллективный принцип работы над книгой. А пока мы всё чаще и чаще откладываем книги в сторону с горечью: ещё один погубленный материал, зря потраченные средства, обманутые ожидания и читателя, и автора...

Готова к печати учебник «Организация литературной работы», я сформулировала несколько принципиальных моментов, стараясь увидеть ситуацию и с той, и с другой стороны. Ведь редактор — это посредник между автором и читателем, одновременно читатель и со-автор. Его задача — помочь автору вывести текст из личной сферы в сферу культурного диалога.

Редактор должен, с одной стороны, максимально сохранить и акцентировать авторскую индивидуальность, с другой — помочь автору соблюсти нормы и правила культурного диалога. Очень часто авторы обращаются к редактору «по горячим следам», восхищённые только что написанным. Восторг состояния в этом случае ещё не отделён от результата (произведения), любые замечания воспринимаются очень тяжело, и недоразумения неизбежны. Прежде, чем обратиться к редактору, каждому автору крайне желательно овладеть навыками саморедактирования, устранить те ошибки и недоразумения, с которыми он может справиться сам. Но для этого необходимо уметь чётко разделять два различных этапа — творчества и редактирования.

Сейчас крайне необходимо вернуть в культурный обиход саму профессию редактора и коллективный принцип работы над книгой. А пока мы всё чаще и чаще откладываем книги в сторону с горечью: ещё один погубленный материал, зря потраченные средства, обманутые ожидания и читателя, и автора...

